
«Моральный барьер прусским насилиям». Политика России на завершающем этапе объединения Германии (1866–1870)

Александр Медяков

«A moral barrier to Prussian violence».
Russian policy during the final stage of the German Unification
(1866–1870)

Aleksandr Medyakov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722050089, EDN: KLDRDK

Центральное место в германской политике Российской империи занимали отношения с двумя немецкими великими державами¹. А одной из их основ долгое время являлась, по выражению немецкого историка К. Цернака, «негативная политика в отношении Польши» (*negative Polenpolitik*)². Уже само соучастие в разделах Польши создавало определённую общность интересов трёх стран³. Опыт Крымской войны и «военной тревоги», пережитой Россией в связи с польским восстанием 1863 г., убеждал в верности стратегических соображений, сформулированных в 1865 г. кн. А.М. Горчаковым: «Германия – это дорога Польши. Мы должны были желать, чтобы согласие между двумя великими немецкими державами не было нарушено, потому что мы не могли бы принять сторону одной без того, чтобы не бросить другую в объятия наших противников. Мы должны были желать, чтобы Германский союз не был поколеблен, потому что междуусобная война открыла бы двери иностранной интервенции, которая могла бы захватить и Польшу»⁴. Вместе с тем, как видно из этой формулировки, за десять месяцев до начала австро-прусской войны перспектива создания единого германского государства в Петербурге ещё не просматривалась. Когда же она стала обозначаться яснее, русские дипломаты начали всё более чётко противиться подобным планам Пруссии, даже несмотря на возникавшую в случае их осуществления возможность наглухо закрыть «дорогу Польши».

В центре германской политики России после окончания австро-прусско-датской войны 1864 г., в ходе которой кн. Горчаков по мере сил старался сдерживать прусские амбиции, находилось обсуждение дальнейшей судьбы уже

© 2022 г. А.С. Медяков

¹ Об освещении в научной литературе позиции, занятой Россией в период объединения Германии, и, в частности, о распространённых представлениях о «благожелательном нейтралитете» Петербурга и будто бы обеспечивших его «сделках» подробнее см.: *Медяков А.С. «Русская благодарность»? Русско-прусские отношения 1863–1864 гг. и их оценка в историографии // Российская история. 2021. № 6.*

² См.: *Zernack K. Polen in der Geschichte Preußens // Handbuch der preussischen Geschichte / O. Büsch (Hrsg). Berlin; N.Y., 1992.*

³ Так, старший советник МИД барон А.Г. Жomini отмечал важность «солидарности интересов между нами, Пруссией и Австрией, которая была создана политикой императрицы Екатерины через систему Раздела» (ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1360, л. 3).

⁴ Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштейнском вопросе / Публ. С. Лесника и Е. Моравской // Красный архив. 1939. № 2(93). С. 107.

оторванных от Дании Шлезвига и Гольштейна. Императорское правительство желало, чтобы они, оставаясь в Германском союзе, были переданы герцогу П. Ольденбургскому, служившему олицетворением «исторического права и консерватизма»⁵. Александр II даже официально отказался в его пользу от наследственных прав собственной династии на герцогства⁶. Одновременно в Петербурге надеялись на то, что кандидатура герцога поможет нейтрализовать «тайные замыслы Пруссии»⁷. Кроме того, царь советовал своему прусскому «дяде и союзнику» искать компромиссное решение с Австрией, чтобы не подвергать опасности внутренний мир в Германии⁸. Возможность столкновения двух германских великих держав при этом явно недооценивалась, хотя даже трения между ними считались нежелательными, поскольку от них могли выиграть «революция»⁹ и Наполеон III, у которого, по мнению кн. Горчакова, та или другая сторона искали бы поддержки в случае обострения конфликта¹⁰. Так же полагал и император¹¹. Гаштейнскую конвенцию, поделившую 14 августа 1865 г. управление Гольштейном и Шлезвигом, соответственно, между Австрией и Пруссией, в России приняли сдержанно, видя в ней лишь временное решение¹².

С осени 1865 г. германская политика Петербурга всё более активно связывалась с попытками обеспечить «успокоение» на Востоке, избегая преждевременного конфликта на Балканах и ограничиваясь лишь моральной поддержкой местных христиан. В связи с этим особую тревогу вызывала «беспокойная политика» кн. А. Кузы в Дунайских княжествах, которая могла вынудить турок на ответные меры и тем самым привести в движение весь регион¹³. Кроме того, с охлаждением русско-французских отношений в начале 1860-х гг. в России росло опасение, что на Дунае появится враждебный ей «авангард Запада», как ещё в июле 1864 г. докладывал императору кн. Горчаков¹⁴. В ноябре 1865 г. русский вице-канцлер недвусмысленно указал Берлину на связь между изменениями на севере и на юге, заговорив о возможных компенсациях в случае тех или иных приобретений Пруссии на Балтике. При этом непосредственная цель его заключалась не в некоей сделке, а в том, чтобы посеять сомнения в полном невмешательстве России в шлезвиг-гольштейнские дела¹⁵. Тем не менее речь шла

⁵ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1432, л. 166.

⁶ Там же, л. 230; ф. 722, оп. 1, д. 1155, л. 43–74; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864 // Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 533; Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштейнском вопросе. С. 105–106.

⁷ На них, в частности, указывал вел. кн. Константин Николаевич, однако Александр II осенью 1864 г. оспаривал наличие у Берлина аннексионистских намерений (ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 772, л. 56; *Dalwigk R.* Die Tagebücher aus den Jahren 1860–71. Stuttgart, 1920. S. 146).

⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1434, л. 168 и далее; *Revertera F.* Erinnerungen eines Diplomaten in St. Petersburg 1864–68 // *Deutsche Revue.* 1904. Bd. 2. S. 38; *Шнейерсон Л.М.* Австро-пруссская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав: из истории «германского вопроса». Минск, 1962. С. 68.

⁹ В апреле 1865 г. император писал супруге, что «серьёзный конфликт между двумя великими германскими державами, который поделил бы Германию на два враждебных лагеря, был бы при- скорбным и пошёл на пользу только революции» (ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2475, л. 293).

¹⁰ Там же, ф. 828, оп. 1, д. 1434, л. 322 и далее.

¹¹ *Revertera F.* Op. cit. S. 39.

¹² ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1435, л. 265, 274.

¹³ Там же, д. 1360, л. 6, 23.

¹⁴ Там же, д. 1432, л. 304.

¹⁵ Там же, д. 1436, л. 83, 119.

и о содействии Пруссии на Востоке, где «пока эта помощь нам была меньше, чем ничего»¹⁶.

После свержения кн. Кузы в феврале 1866 г. прусская поддержка стала для Петербурга ещё более ценной. Страх превращения княжеств во «французский лагерь на Дунае» теперь усилился слухами о возрождении старых французских планов передать Молдавию и Валахию Австрии в качестве компенсаций за уступку итальянцам Венеции¹⁷. Между тем, по мнению кн. Горчакова, сохранение итальянских земель в австрийских руках имело принципиальное значение, как «подобие Польши» («*une espèce de Pologne*»), поскольку наличие этих владений препятствовало смещению центра тяжести интересов монархии Габсбургов на восток¹⁸. В итоге подобная комбинация была объявлена Россией в европейских столицах поводом для войны¹⁹, а русскому послу в Константинополе поручили «раскрыть глаза турецким министрам»²⁰.

С марта 1866 г. по мере того, как отношения между Веной и Берлином обострялись, Петербург использовал все имевшиеся у него дипломатические рычаги для предотвращения войны, пытаясь опереться на «лояльность короля», чтобы умерить «амбиции Бисмарка». Когда Франц Иосиф попросил Александра II о посредничестве²¹, царь направил Вильгельму I письмо, указав в нём на те угрозы, с которыми столкнётся вся Европа в случае разрыва между Австрией и Пруссией, и будто бы даже получил обнадеживающий ответ²². Затем два месяца он склонял Вену и Берлин к примирению, а кн. Горчаков видел в этих действиях едва ли не единственную основу для серьёзных политических комбинаций²³. При этом вице-канцлер исходил из того, что «Бисмарк хочет войны» и «находит противодействие лишь в инстинктах короля»²⁴.

Особые надежды в Петербурге возлагали на идею обоюдного разоружения²⁵ и возмущались тем, что «друг Бисмарк не хочет кусать яблоко мира»²⁶. Недовольство вызывали и его проекты реформы Германского союза, по сути, разрушавшие данное образование²⁷. Австрию при этом кн. Горчаков считал «менее виноватой, но более неуклюжей» из-за того, что она спешила с мобилизацией и этим сблизжала позиции короля и гр. Бисмарка²⁸. Неудивительно, что император и его дипломаты поддержали обе инициативы коллективного вмешательства

¹⁶ Там же, л. 120.

¹⁷ Впрочем, кн. Горчаков не исключал, что эти слухи умышленно распускались гр. Бисмарком, дабы усилить недоверие между Веной и Петербургом (Там же, д. 1437, л. 88 и далее). О проектах обмена Дунайских княжеств на Венецию см.: *Senner M.* Die Donaufürstentümer als Tauschobjekt für die österreichischen Besitzungen in Italien (1853–1866). Stuttgart, 1988.

¹⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 204.

¹⁹ Там же, д. 1437, л. 238, 246; АВПРИ, ф. 137, оп. 475, д. 55, л. 7, 30; *Revertera F.* Op. cit. S. 139.

²⁰ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 212.

²¹ *Quellen zur Geschichte des Weimarer und Berliner Hofes in der Krisen- und Kriegszeit 1865/67 / W. Steglich (Hrsg.).* Bd. 2. Frankfurt a/M, 1996. S. 1–33.

²² *Die auswärtige Politik Preußens 1858–1871* (далее – APP). Bd. VI. Oldenburg, 1939. S. 703; ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 250, 312; *Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz.* Bd. 1. Berlin, 1927. S. 201.

²³ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 320.

²⁴ Там же, л. 133.

²⁵ Подробнее см.: *Шнеерсон Л.М.* Указ. соч. С. 115.

²⁶ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 107; *Revertera F.* Op. cit. S. 131.

²⁷ *Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871.* Т. 8. P., 1914. P. 212–213, 251; *Quellen zur Geschichte...* S. 12; *Denkwürdigkeiten des Botschafters...* Bd. 1. S. 206.

²⁸ *Les origines diplomatiques...* Т. 9. P., 1914. P. 15.

в австро-прусский спор: и лондонскую идею совместного выступления представителей Франции, Англии и России в столицах трёх потенциальных участников войны с призывом к разоружению, и поступившее из Парижа предложение созвать конгресс великих держав²⁹.

22 мая 1866 г., анализируя во всеподданнейшем докладе сложившееся положение, кн. Горчаков утверждал, что для России выгоднее всего было бы допустить войну между соседними странами, «которые оплачивают услуги лишь неблагодарностью», и тем самым ослабить их, но только при условии, если бы затем удалось сохранить влияние на определение результатов конфликта. Однако это не представлялось возможным. Победа Берлина казалась князю нежелательной, так как она привела бы не только к увеличению Пруссии, но и к распаду Австрии, а это неизбежно вызвало бы дестабилизацию на Балканах. Отсюда делался вывод, что «единственным благоприятным шансом, который могла бы дать нам война, является триумф Австрии как в Германии, так и в Италии». Но в этом случае трудно было просчитать подозрительную политику Франции. Поэтому войне следовало предпочесть мир, используя для его достижения намеченный конгресс³⁰, на котором, как полагал вице-канцлер, мог бы возникнуть союз трёх негерманских держав для сдерживания бисмарковского натиска. Французскому послу кн. Горчаков прямо говорил тогда, что усиление Пруссии в конечном счёте не выгодно «ни вам, ни нам»³¹.

1 июня Вена отклонила приглашение на конгресс, и война стала неизбежной. Ещё в начале 1866 г. Александр II решил в этом случае соблюдать строгий нейтралитет³², согласившись по просьбе австрийцев не объявлять о нём заранее, дабы дополнительно не поощрять Пруссию³³. Вместе с тем в Петербурге не до конца осознавали далекоидущие цели политики гр. Бисмарка и ожидали, что приблизительное равенство сил противников после первых же сражений заставит их вступить в переговоры, в которых будут участвовать и нейтральные державы³⁴.

С начала войны и вплоть до решающего сражения при Садовой (Кёниггреце) кн. Горчаков сосредоточился на «выведении из апатии» Англии³⁵. 2 июля вице-канцлер предложил императору создать «моральный барьер прусским насилиям» с помощью коллективного демарша представителей нейтральных стран в Берлине. Российские дипломаты в Лондоне, Париже и Берлине получили указание заняться его подготовкой³⁶.

От «доброжелательности» к Пруссии были весьма далеки и настроения, преобладавшие в правящих кругах России, где многие едва скрывали симпатии к Австрии³⁷. Кн. Горчакова обрадовала победа австрийцев над итальянски-

²⁹ Ibid. P. 17, 47.

³⁰ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 250–259.

³¹ Les origines diplomatiques... Т. 9. P. 90.

³² ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1437, л. 18.

³³ Там же, л. 181. См. также: *Mosse W.E. The European Powers and the German Question 1848–1871.* N.Y., 1958. P. 224.

³⁴ АВПРИ, ф. 137, оп. 475, д. 55, л. 32; ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 369; *Шнейерсон Л.М.* Указ. соч. С. 202.

³⁵ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 78, 104, 109.

³⁶ Там же, л. 150–156.

³⁷ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел, в двух томах / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 1. М., 1961. С. 132. Тем не менее В.С. Дударев считает, что именно наличие противоречий с Австрией помешало России оказать активное сопротивление Пруссии, а поражение Вены

ми войсками при Кустоцце, и он выражал надежду на то, что подобные успехи на севере позволят «поставить заслон прусской заносчивости»³⁸. Действия гр. Бисмарка, направленные на «революционизирование» венгров, и его попытки вовлечь в войну Сербию вызывали раздражение³⁹. «Вести переговоры с венгерскими эмигрантами — значит протягивать руку революции, и это [делает] он, человек консервативного принципа *par excellence*», — негодовал кн. Горчаков⁴⁰.

Катастрофическое поражение Австрии и её союзников 3 июля при Кёниггреце, разрушившее расчёты на затяжной характер войны, в Петербурге встретили с большим разочарованием. На следующий день вел. кн. Константин Николаевич записал в дневнике: «К 5 часам Саша приехал к нам обедать и привёз первую депешу об огромной победе вчера пруссаков около Кёниггреца. Ужасная досада»⁴¹. Сам император писал супруге о «бедных австрийцах»⁴². Кн. Горчаков утешал австрийского посланника гр. Ф. Ревертеру, заявляя о своём сочувствии и надеждах на лучшее⁴³. Другим ударом стало обращение Франца Иосифа за посредничеством к Наполеону III, фактически оставлявшее Россию и Англию в стороне от урегулирования конфликта. «Это ещё больше внушит Напи (Наполеону III. — *А.М.*), что он единственный арбитр в мире!», — возмущался Александр II в письме к императрице Марии Александровне⁴⁴. Выражал недовольство и кн. Горчаков⁴⁵. «Непостижимый демарш Австрии» породил также определённые подозрения. Кн. Горчаков полагал, что теперь Париж получает «союзника, географическое положение которого может быть очень пагубным для наших интересов»⁴⁶. А царь ещё до Кёниггреца допускал, что Франция может воспользоваться войной для нового вмешательства в польские дела⁴⁷. В дальнейшем подобные подозрения не только сохранялись, но и заметно влияли на политику России вплоть до завершения объединения Германии.

Изменившаяся в ходе войны ситуация вынуждала кн. Горчакова проявлять гибкость и ни в коем случае не отдаляться от Пруссии. Вместе с тем он долго не отказывался от идеи коллективного демарша, и лишь уклончивость Англии и недоверие к непредсказуемой политике Наполеона III заставили его пойти навстречу Пруссии. Но первой предпосылкой для этого должна была стать умеренность военных целей Берлина⁴⁸, уверенность в которой как раз отсутствовала. В Петербурге не принимали низведения германских монархов до роли «прусских префектов» и возражали против исключения из их союза Австрии, допуская столь глубокие перемены только с санкции «Европы»⁴⁹.

воспринималось как наказание за «проявленную ею неблагодарность во время Крымской войны» (Дударев В.С. Бисмарк и Россия. 1851–1871. СПб., 2021. С. 331).

³⁸ *Revertera F.* Op. cit. S. 135; *Mosse W.E.* Op. cit. P. 238–239.

³⁹ *Gonda I.* Bismarck és az 1867-es osztrák-magyar kiegyezés. Budapest, 1960; *Јакшић Г., Вучковић В.Ј.* Спљна политика Србије за владе кнеза Михаила (Први балкански савез). Београд, 1963. С. 257.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 66.

⁴¹ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 1157, л. 50.

⁴² Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2475, ч. 3, л. 2.

⁴³ *Revertera F.* Op. cit. S. 135.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2475, ч. 3, л. 9.

⁴⁵ *Revertera F.* Op. cit. S. 135; *Les origines diplomatiques...* Т. 11. Р., 1920. Р. 44.

⁴⁶ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 185.

⁴⁷ Об этом он, в частности, предупреждал наместника в Царстве Польском гр. Ф.Ф. Берга: ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2733, ч. 4, л. 18. См. также: Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 135.

⁴⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 210 и далее.

⁴⁹ Там же, л. 226, 239 и далее; *Quellen zur Geschichte...* S. 44.

В этой неясной ситуации Горчаков предпочитал «не сжигать корабли ни на одной стороне» и сохранять определённое равновесие в отношениях с Пруссией и Францией⁵⁰. Узнав в ходе обмена мнениями о готовности Парижа примириться с удалением монархии Габсбургов из Германии, вице-канцлер сообщил послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву, что отныне «надевшая французскую ливрею» Австрия легко может быть задействована Наполеоном III в любых антирусских комбинациях, особенно в Польше и на Востоке⁵¹. У Певческого моста не хотели, чтобы, потеряв позиции в Германии, Вена полностью сосредоточила своё внимание на Балканах. К тому же безусловное доминирование в Германии одной великой державы явно нарушало европейское равновесие⁵². Поэтому, в отличие от Франции, в России желали сделать Австрию ведущей силой будущего Южного союза, который включал бы также Баварию, Вюртемберг и Баден и в какой-то мере мог уравнивать созданный Пруссией Северогерманский союз⁵³.

При этом в Петербурге по-прежнему пытались «европеизировать» внутригерманский конфликт. Создать коалицию нейтральных стран для воздействия на ход войны не удалось, но оставалась возможность повлиять на её результаты, вынеся их на рассмотрение «европейской конференции». Кн. Горчаков считал её созыв чем-то едва ли не само собой разумеющимся («*a matter of course*»)⁵⁴. Во всеподданнейшем докладе 23 июля 1866 г. и в инструкциях послам вице-канцлер выражал надежду на то, что благодаря этому итоги столкновения окажутся «смягчены», а пересмотр общих решений 1815 г. не будет отдан на усмотрение Пруссии и Франции⁵⁵. Царь также писал супруге: «Мне кажется, что всю эту путаницу нельзя прекратить иначе, чем конгрессом, ведь речь идёт о полной трансформации всего центра Европы»⁵⁶. В это время он резко осуждал «растущую заносчивость Пруссии»⁵⁷ и заявлял, что не позволит превратить себя в простого «регистратора» свершившихся событий⁵⁸. На следующий же день после подписания 26 июля Никольсбургского перемирия Россия направила Пруссии формальный запрос, выражая уверенность, что окончательное соглашение будет представлено на обсуждение европейского конгресса. Однако гр. Бисмарк соглашался на его созыв лишь в том случае, если он соберётся только для того, чтобы санкционировать заранее подготовленные и зафиксированные решения⁵⁹. По мнению кн. Горчакова, России, Англии и Франции следовало теперь потребовать участия в конгрессе «по своему праву» («*on their own right*»), «т.е. потому что они — великие державы, потому что они были главными архитекторами того здания, которое разрушают», — писал он барону Ф.И. Бруннову⁶⁰. Но ни

⁵⁰ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 245.

⁵¹ Там же, л. 232.

⁵² Там же, л. 246.

⁵³ «Европа пережила беспокойные времена». Переписка императоров Александра II и Наполеона III. 1856–1867 гг. / Публ. Л.А. Пуховой // Исторический архив. 2007. № 6. С. 173.

⁵⁴ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 317.

⁵⁵ Там же, л. 276–280; *Les origines diplomatiques...* Т. 11. P. 193.

⁵⁶ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2475, ч. 3, л. 9.

⁵⁷ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 1157, л. 60.

⁵⁸ Там же, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 301, 305.

⁵⁹ *Шнеерсон Л.М.* Указ. соч. С. 269; *The diplomatic reminiscences of Lord Augustus Loftus. 1862–1879.* Vol. 1. L.; P.; Melbourne, 1894. P. 102–108.

⁶⁰ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 321; *Les origines diplomatiques...* Т. 11. P. 272; *Denkwürdigkeiten des Botschafters...* Bd. 1. S. 241.

в Париже, ни в Лондоне подобный взгляд поддержки не встретил. Фактически Петербург оказался в изоляции и вновь заговорил о повороте к «национальной политике», о том, что Россия не может одна отстаивать европейское право и отныне будет защищать лишь собственные интересы⁶¹. Какие именно и каким образом, при этом не уточнялось.

4 августа кн. Горчаков изложил барону Бруннову своё видение сложившейся ситуации и будущей политики империи. Не доверяя ни дружбе с Берлином, лишь «менее невыгодной» из-за её географического положения и старых симпатий, ни «переменчивым настроениям и тайным мыслям на берегах Сены»⁶², вице-канцлер выдвинул идею «малого равновесия» между Францией и Пруссией, которое, в отличие от разрушенного европейского равновесия, предполагалось сохранять и использовать исключительно в национальных интересах России⁶³.

В августе 1866 г. поездка прусского генерал-барона Э. фон Мантойфеля в Петербург вызвала в дипломатических кругах «некоторую сенсацию»⁶⁴. Сам выбор генерала с его давними русскими связями свидетельствовал о расположении к России⁶⁵, где с нетерпением ждали «нашего друга Эдвина», который должен был передать императору разъяснения прусского короля и гр. Бисмарка, касавшиеся нового положения дел в Германии, а также обсудить возможные способы компенсации нарушенного баланса сил. Упрёки Александра II, указывавшего в письмах к прусскому королю на нарушение прав немецких монархов⁶⁶, гр. Бисмарк отверг решительно и даже с несколько угрожающими интонациями⁶⁷. Однако он вновь высказал готовность идти навстречу русским пожеланиям, относившимся к пересмотру трактата 1856 г.⁶⁸ В беседах с бароном Мантойфелем кн. Горчаков не ставил под сомнение, что при очередном обострении восточного вопроса Пруссия возвысит свой голос в пользу России⁶⁹. Император поделился с генералом своими «личными мыслями», поручив ему устно передать их королю, и они, без сомнения, также подразумевали реализацию решений Парижского конгресса⁷⁰.

Пражский мир 23 августа 1866 г. существенно изменил ситуацию. Преобразования в Германии стали свершившимся фактом. Тем временем начавшееся в августе восстание на Крите заставляло Петербург опасаться различных альянсов на Востоке, в которые Франция могла втягивать Австрию или Пруссию. Учитывая эти обстоятельства, на Особом совещании, состоявшемся 6 октября в Царском Селе, какие-либо споры о трактатах 1866 г. решили отложить до лучших времён.

Теперь же оставалось только примириться с новой реальностью. Размышляя в письме к посланнику в Берлине П. П. Убри об имевшихся тогда у русской дипломатии возможностях, кн. Горчаков констатировал: «Чем больше я изучаю политическую карту Европы, тем более убеждаюсь, что серьёзная и интимная

⁶¹ Les origines diplomatiques... Т. 12. P., 1921. P. 210–211; Шнейерсон Л. М. Указ. соч. С. 302–303.

⁶² ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 313, 327, 333.

⁶³ Там же, д. 1440, л. 19.

⁶⁴ The diplomatic reminiscences... P. 139; Les origines diplomatiques... Т. 12. P. 102.

⁶⁵ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1440, л. 4.

⁶⁶ Quellen zur Geschichte... S. 47–51; APP. Bd. VIII. Oldenburg, 1934. S. 43.

⁶⁷ Bismarck O. Die gesammelten Werke. Bd. 6. Berlin, 1929. S. 120.

⁶⁸ Ibid. S. 115.

⁶⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1866 г., д. 66.

⁷⁰ APP. Bd. VIII. S. 43; Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. С. 127–128.

антанта с Пруссией есть лучшая комбинация, если не единственная»⁷¹. В письме к гр. Бисмарку 15 октября вице-канцлер в самых решительных выражениях поддерживал дружеские отношения с Пруссией⁷². Австрия как потенциальный партнёр, напротив, быстро теряла значение. После войны её вес на международной арене значительно снизился. Ещё до Кёниггреца Александр II отметил на письме гр. Берга, упомянувшего о традиционной связи трёх «северных дворов»: «В настоящий момент Австрия не значит ничего»⁷³. К тому же, как сразу же после заключения Пражского мира признал русский посол в Вене гр. Э.Г. Стакельберг, потери в Италии и Германии делали её «хранителем ворот на Восток», противостоящим России⁷⁴.

Тем не менее в Петербурге не отказывались от идеи Южного союза, отводя в нём главную роль именно австрийцам, без которых, как ожидалось, подобная конфедерация будет поглощена Пруссией (во всяком случае, Александру II это представлялось «весьма вероятным»)⁷⁵. В отчёте МИД за 1866 г. кн. Горчаков развил целую «теорию» о «естественном» подразделении Германии на две части. Сосуществование Северогерманского союза Пруссии и Южного союза, ведомого Австрией, предоставляло будто бы Европе «гарантию против агрессивной державы в 40 млн человек» и одновременно не позволяло монархии Габсбургов сосредоточить все свои силы на Востоке. Но вместо того, чтобы сделать эту идею основой соглашения с Россией, Наполеон III предпочёл сепаратно договариваться с Пруссией⁷⁶.

На дальнейший процесс германского объединения под эгидой Пруссии в России смотрели ничуть не более доброжелательно, чем на его начало. Критское восстание, сербо-турецкие трения и попытка создания Первого балканского союза⁷⁷, обострение проблемы Боснии и Герцеговины, волнения в Дунайских княжествах⁷⁸ заставляли русских дипломатов опасаться скорого всеобщего взрыва на Балканах и отвлекали их внимание от постепенно нараставших на западе Европы франко-пруссских противоречий.

Не менее сложным оставалось положение Австрии. «Эта империя, — писал кн. Горчаков в апреле 1867 г., — занимает важное место в европейском равновесии, и её падение привело бы к опасной путанице. Мы должны желать её сохранения и, поскольку она существует, предпочитать отношения доброго соседства»⁷⁹. Между тем смещение центра тяжести австрийской политики на Балканы приобрело ещё более неблагоприятный для России характер вследствие преобразования в 1867 г. монархии Габсбургов в дуалистическую Австро-Венгрию⁸⁰. «Рост венгерского влияния и его вмешательство во все сферы может

⁷¹ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1440, л. 116.

⁷² Там же, л. 148.

⁷³ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2742, ч. 4, л. 230–240.

⁷⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, д. 219, 1866 г., л. 187, 224.

⁷⁵ Там же, л. 179.

⁷⁶ Там же, ф. 137, оп. 475, д. 55, л. 50.

⁷⁷ *Жакшић Г., Вучковић В.Ј.* Ор. cit; *Медяков А.С.* Югославянская политика Андраши (1867–1871 гг.) // Центральная Европа в Новое и Новейшее время. М., 1998.

⁷⁸ *Чертан Е.Е.* Великие державы и формирование румынского независимого государства. Кишинёв, 1980.

⁷⁹ АВПРИ, ф. 137, оп. 475, д. 55, л. 71–72.

⁸⁰ О влиянии дуализма на внешнюю политику Франца Иосифа см.: *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М., 2010.

быть гибельным для наших единоверцев и далее усиливать вражду между Австрией и нами», — докладывал гр. Стакельберг в феврале 1868 г.⁸¹ В то же время провозглашённый Россией «принцип невмешательства» воспринимался в Вене как поощрение балканских народов к восстанию, а состоявшийся в Москве «панславистский конгресс»⁸² и вовсе казался новому канцлеру Франца Иосифа гр. Ф.Ф. Бойсту⁸³ реальной угрозой безопасности двуединого государства.

Всё это способствовало укреплению крайне нежелательной для России связи между Францией и Австрией. Наполеон III стремился вовлечь Вену в орбиту своей антипрусской политики, а гр. Бойст, отчасти сочувствуя этому, не без успеха добивался поддержки Франции на Востоке. В Петербурге ясно понимали цели французского императора: «Союз с венским кабинетом разом отвечал бы его взглядам против нас и против Пруссии; он давал бы ему базу для действий в Польше и на Востоке; наконец, он открывал бы для него почву, где он надеется сблизиться с Англией»⁸⁴. Между Парижем и Веной шли тайные переговоры о заключении союза⁸⁵, и в Петербурге подозревали, что при этом намечалось либо восстановление «польской империи», либо образование большой центральноевропейской конфедерации с включением в неё польских земель⁸⁶.

В феврале 1868 г. в России получили от секретного агента план, согласно которому в случае войны на Рейне австрийские войска должны были перейти русскую границу и занять польские губернии для последующего восстановления Польши и включения её в состав монархии Габсбургов на таких же условиях, что и Венгрия⁸⁷. Под впечатлением от этого донесения Александр II в марте 1868 г. с усмешкой сообщил прусскому представителю, что «в Вене уже говорят о коронации Франца Иосифа в Варшаве». Тот сразу же ответил, что «солидарность Пруссии и России в отношении Польши непоколебима, как закон природы», и в таком случае прусские войска будут сражаться вместе с русскими⁸⁸.

Кн. Горчаков считал подобные замыслы нереалистичными, но всё же полагал необходимым учитывать их, допуская, что, спасаясь от гибели, «эта империя-гибрид» может пойти на любой риск⁸⁹. Вместе с тем в том же марте 1868 г. князь писал: «В целом мы не можем не понимать, что поглощение Германии Пруссией не в наших интересах. В этом отношении определённая общность взглядов должна нас сблизить с Францией». Однако поддержка ею польских повстанцев и эмигрантов и соперничество на Востоке привели к отчуждению между двумя империями. И до тех пор, пока Франция не давала гарантии прекращения своей враждебной политики, России следовало мириться с усилением Пруссии, с которой её связывали славные воспоминания, общие

⁸¹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 149, л. 365. На донесении сохранилась помета Горчакова: «Да».

⁸² О Славянском съезде 1867 г. в Москве см.: Славянские форумы и проблемы славяноведения. М.; Ставрополь, 2008.

⁸³ Подробнее о нём см.: *Медяков А.С.* Граф Бойст: повороты судьбы главного противника Бисмарка // Новая и новейшая история. 2010. № 5.

⁸⁴ АВПРИ, ф. 137, оп. 475, д. 57, л. 4–5.

⁸⁵ Подробнее см.: *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом...

⁸⁶ APP. Bd. VIII. S. 248; *Veuga D.* Russische Orientpolitik und die Entstehung des Deutschen Kaiserreiches 1866–1870/71. München, 1974. S. 48.

⁸⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 149, л. 404–405; д. 151, л. 414.

⁸⁸ APP. Bd. IX. Oldenburg, 1936. S. 760.

⁸⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 149, л. 404–405; д. 151, л. 414.

интересы в Польше, а также отсутствие всяких национальных предрассудков и противоречий на Востоке⁹⁰.

Таким образом, выбор, сделанный русским канцлером, не был ни безусловным, ни однозначным. «Союз сердец» марта 1868 г. — устная договорённость между Петербургом и Берлином о выставлении наблюдательных корпусов на границе с Австрией в случае австро-русского или франко-прусского конфликтов — отнюдь не означал предоставления Россией Пруссии свободы рук в борьбе с Францией. Соглашение мыслилось не столько перспективно, сколько ситуативно и объяснялось конкретным положением дел в Европе и прежде всего нарастанием кризиса на Балканах⁹¹, который, по словам гр. Стакельберга, ставил Россию перед жёсткой дилеммой: «Обнажить шпагу, не будучи готовыми, или потерять престиж»⁹². Показательно, что только российский посланник в Вене был полностью посвящён в ход совершенно секретных переговоров Убри с гр. Бисмарком. Ведь именно Австрии предназначалась роль вероятного противника России, тогда как «антифранцузская» часть соглашения являлась лишь своего рода платой за поддержку на Востоке. Более того, Горчаков, по собственному признанию, попытался «добавить неопределённости» в конкретные военные обязательства, утверждая, что сосредоточить 100 тыс. человек при сохранении остальной армии в состоянии мирного времени — слишком сложно и дорого. Но «император хотел быть более позитивным» и не стал сокращать первоначально оговоренную численность обсервационных войск⁹³.

Между тем к началу 1869 г. обстановка на Балканах в целом была нормализована, а угроза всеобщей войны — устранена. Всё это создавало основу для некоторого смягчения русско-австрийских отношений. Осенью 1869 г. при личной встрече в швейцарском местечке Уши гр. Бойст и кн. Горчаков постарались снять напряжение между империями⁹⁴. Однако это сугубо тактическое сближение никак не повлияло на уже устойчивую ориентацию России на Пруссию, а Австрии — на Францию.

Завершающий шаг в объединении Германии был сделан в 1870–1871 гг., когда возникла ситуация, предусмотренная соглашением 1868 г.: Пруссия оказалась в состоянии войны с Францией, соответственно, а России предстояло парализовать вступление в конфликт Австро-Венгрии.

России в австрийских военных планах действительно отводилось особое место, хотя гр. Бойст в своих мемуарах, а вслед за ним некоторые историки, отрицали её определяющее влияние на сохранение империей Габсбургов ней-

⁹⁰ Там же, ф. 137, оп. 477, д. 56, л. 4–6. Австрийский посланник в Петербурге ещё 8 мая (26 апреля) 1867 г. сообщал гр. Бойсту: «Русское правительство не желает, чтобы прусская держава обосновалась в центре Европы без всякого противовеса. Независимые аллюры Бисмарка дали ему достаточно понять, что в тот день, когда Пруссия освободится от всех стеснений, связанных с её тревогами в отношении Австрии и Франции, она может стать для России неудобным соседом» (Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien (далее — HHStA), PA, X, 58).

⁹¹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 87, л. 123; APP. Bd. X. Oldenburg, 1939. S. 759–760.

⁹² АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 149, л. 425. Кн. Горчаков обратил внимание на эту фразу, оставив помету: «Весьма верно».

⁹³ Там же, ф. 172, оп. 514/2, д. 71, л. 247.

⁹⁴ Там же, ф. 133, оп. 469, 1869 г., д. 41, л. 227–229. Характерно, что Александр II отнёсся к этим переговорам весьма сдержанно, отметив: «Факты покажут нам, насколько уверения Бойста могут иметь ценность для нас» (Там же).

тралитета⁹⁵. Объясняя в Париже свою политику, граф заявил: «Мы знаем... что Россия... немедленно вступит в действие, если мы возьмёмся за оружие... Русский нейтралитет зависит от нашего»⁹⁶. Вюртембергский представитель в Вене писал, что «здесь в настоящее время вся политическая ситуация сводится к возможной позиции русского правительства по отношению к франко-германской войне и к вытекающим для Австрии последствиям»⁹⁷. Поведение России считал главной причиной австрийского нейтралитета и прусский посланник в Петербурге⁹⁸. Но несмотря на это, выжидая, австрийцы активно вооружались и надеялись на продолжительную войну, на исходе которой рассчитывали вмешаться и сказать решающее слово. Гр. Бойст писал: «Через четыре или пять месяцев, когда время года защитит нас от передвижений русских войск, мы, возможно, сможем говорить по-другому... слово “нейтралитет”, которое мы произнесли не без сожалений, является лишь средством приблизиться к истинной цели австрийской политики»⁹⁹. В черновике личного послания Франца Иосифа Наполеону III вполне определённо выражалось намерение «помочь Вашему величеству восстановить равновесие, нарушенное событиями 1866 г.»¹⁰⁰. Насколько это было связано с тем, что русское вето прозвучало недостаточно громко?

На принятие политических решений в Петербурге влияли несколько важных и часто разнонаправленных факторов. С осени 1866 г., несмотря на очевидную близость с Пруссией, кн. Горчаков стремился сохранить определённое равновесие между Берлином и Парижем, с которым он всё же надеялся со временем наладить сотрудничество. Однако Франция, постоянно указывая на общую заинтересованность в ограничении быстрого роста прусской мощи, оказалась не готова к уступкам России на Востоке. Особую роль в Петербурге отводили южногерманским государствам, они рассматривались как своеобразный барьер для дальнейшего увеличения Северогерманского союза. При этом сказывались и родственные связи императорской семьи с Вюртембергом и Гессен-Дармштадтом. Беседуя в конце июня 1870 г. с вюртембергским премьер-министром Ф.Г.К. Фарнбюлером, царь заявил, что «пока он жив, *он не допустит аннексии государств Южной Германии Пруссией* (выделено в тексте. — А.М.)»¹⁰¹. Из разговоров с гр. П.А. Шуваловым и другими русскими гостями, сопровождавшими Александра II в поездке по Германии, баварский посланник также сделал вывод, что «если Южная Германия сама не сдастся и не впадёт в национал-либерализм, её доброе дело всегда найдёт симпатии по всей Европе»¹⁰². Так воспринималось положение дел за три недели до начала войны.

Конечно, в России не могли не понимать, что дальнейшие победы Берлина резко изменили бы европейское равновесие в пользу Пруссии, могущество которой лишило бы Петербург былого влияния в Германии, после чего и южногерманские государства, вероятно, потеряли бы свою независимость. Но

⁹⁵ *Beust F.F.* Aus Drei-Viertel Jahrhunderten. Erinnerungen und Aufzeichnungen. Bd. II. Stuttgart, 1887. S. 394; *Beyrau D.* Op. cit. S. 201.

⁹⁶ *Vitzthum von Eckstädt K.F.* Denkwürdigkeiten 1866 bis 1873. Manuscript. Dresden, 1894. S. 199.

⁹⁷ Hauptstaatsarchiv Stuttgart (далее — HStA St), E 40/72, Bü. 453.

⁹⁸ Denkwürdigkeiten des Botschafters... Bd. I. S. 265.

⁹⁹ *Vitzthum von Eckstädt K.F.* Op. cit. S. 198–205.

¹⁰⁰ Die Rheinpolitik Kaiser Napoleons III. von 1863 bis 1870 und der Ursprung des Krieges von 1870/1871 / H. Oncken (Hrsg.). Bd. III. Berlin; Leipzig, 1926. S. 475–476.

¹⁰¹ *Ibid.* S. 401, 406–408.

¹⁰² Bayerisches Hauptstaatsarchiv München (далее — BHStA), Gesandtschaft Stuttgart, 234.

ещё опаснее оказалось бы поражение пруссаков, в этом случае Россия могла столкнуться с двумя враждебно настроенными по отношению к ней державами на собственных границах¹⁰³. Именно этим противоречием, а вовсе не династическими предрассудками Александра II и не «острым, но поверхностным умом Горчакова»¹⁰⁴, объяснялась некоторая двойственность русской политики в июле—августе 1870 г.

В начале июня на встрече с Вильгельмом I в Эмсе Александр II подтвердил и даже расширил взятое в марте 1868 г. обязательство парализовать возможное австрийское выступление против Пруссии, пообещав выставить армию в 300 тыс. человек и занять Галицию¹⁰⁵. Однако эти заверения делались в спокойной международной обстановке, тогда как в начале кризиса Россия попыталась предотвратить разрыв между Францией и Пруссией. В беседе с австрийским посланником кн. Горчаков «весьма решительным тоном, какого я никогда от него не слышал», заявил: «Я дал знать в Берлин, что мы очень решительно даём совет соблюдать величайшую умеренность и уступать, насколько возможно»¹⁰⁶.

Всё изменила «эмсская депеша». Даже если она не имела того влияния на решения французского правительства, которое ей традиционно приписывают¹⁰⁷, в Европе вызванный ею резонанс оказался очень велик. В частности, именно после неё Александр II перестал сдерживать свои прусские симпатии: 15 июля он заявил о том, что больше не станет ограничивать свободу действий Вильгельма I, поскольку задета честь короля, а на следующий день сообщил в Берлин о готовности в случае вступления в войну Австрии исполнить свои обещания. Кроме того, император согласился передать Пруссии пушки, заказанные Россией на заводах А. Круппа¹⁰⁸.

Несколько иначе вёл себя кн. Горчаков. Сильно страдая от подагры, он каждое лето отправлялся на воды в местечко Вильдбад в Вюртемберге. Не стал исключением и 1870 г. Между тем в начале июльского кризиса, когда все министры спешили в свои столицы — отменил отпуск гр. Бойст, возвращался в Берлин из своего имения гр. Бисмарк — отъезд кн. Горчакова вызывал всеобщее удивление. Но именно теперь его поездка получила политическое значение, что отмечали и зарубежные дипломаты¹⁰⁹. Однако в историографии она до сих пор практически не освещалась.

12 и 13 июля кн. Горчаков встречался с гр. Бисмарком в Берлине. Поскольку вечером 13 июля граф сфабриковал «эмсскую депешу», данный визит вполне может рассматриваться как последняя попытка сохранить мир. Александр Михайлович сделал всё, чтобы смягчить эффект от дополнительных требований французов. Он обрушил на собеседника «поток взволнованных увещаний» и даже показал ему одну из телеграмм русского посланника в Париже. Со своей стороны, гр. Бисмарк указывал на угрозу австро-французского союза,

¹⁰³ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1870 г., д. 104, л. 79.

¹⁰⁴ *Duroselle J.-B.* Die europäischen Staaten und die Gründung des Deutschen Reiches // Reichsgründung 1870/71. Tatsachen, Kontroversen, Interpretationen / Th. Schieder, E. Deuerlein (Hrsg.). Seewald; Stuttgart, 1970. S. 403.

¹⁰⁵ *Beyrau D.* Op. cit. S. 187.

¹⁰⁶ ННStA, PA, X, K. 62, № 32D.

¹⁰⁷ *Wetzel D.* Duell der Giganten. Bismarck, Napoleon III und die Ursachen des deutsch-französischen Krieges 1870–1871. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2004. S. 187.

¹⁰⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1870 г., д. 44, л. 81, 90.

¹⁰⁹ Там же, л. 6, 64.

однако кн. Горчаков сомневался в том, что Франц Иосиф решится вступить на подобный путь¹¹⁰. Впрочем, все усилия князя оказались тщетны, поскольку фактически курс на войну в Париже и Берлине взяли ещё до публикации «эмсской депеши».

22 июля царь принял решение соблюдать нейтралитет, «пока не будут затронуты интересы России». Эта оговорка особенно не понравилась в Вене, которой она, собственно, и была адресована. Гр. Бойст немедленно обратил внимание Парижа на то, что Россия выставляет условия и, следовательно, готова при определённых обстоятельствах изменить свою позицию¹¹¹. В беседах с южногерманскими представителями австрийский канцлер охарактеризовал русский нейтралитет как «очень растяжимый»: «Это всё равно, как если бы сказать, что мы останемся нейтральными, пока нам это нравится»¹¹². Но и в Петербурге не доверяли нейтралитету Австрии, о котором объявил своим циркуляром гр. Бойст 20 июля. Ведь в то же самое время монархия Габсбургов начала ускоренно вооружаться.

По сути, две нейтральные империи преследовали противоположные цели: Австрия вооружалась, готовясь к возможному вступлению в войну и соответственно к расширению конфликта; Россия стремилась избежать опасной и дорогостоящей мобилизации и сохранить по возможности двусторонний характер столкновения. Благодаря перлюстрации переписки французского министра иностранных дел герцога А. де Грамона и посла в Петербурге Э.Ф. Флëри в России знали о планах, согласно которым Австрия должна была пропустить через свою территорию на границу Баварии итальянские войска, а затем и сама вступить в войну. Поэтому, когда 20 июля герцог де Грамон дал указание Флëри выяснить позицию царя в случае поддержки Франции её союзниками, Александр II вновь заявил, что если двинется Австрия, то двинется и Россия. Однако он гарантировал, что Пруссия не нападёт на Австрию. И всё же ему хотелось обойтись предостережениями и дипломатическими объяснениями, о которых были заранее оповещены пруссаки¹¹³.

На экстренной аудиенции 23 июля российский император уверял австрийского посланника гр. Б. Хотека в том, что не желает войны и выступает за «строгий, не вооружённый нейтралитет» (выделено в тексте. — А.М.), пока не будет затронут какой-либо прямой интерес России. «Я называю прямым интересом польский вопрос.., — пояснял он. — С момента, когда вы займёте вооружённую и угрожающую позицию, я поменяю свой нейтралитет на вооружённый и двину свои войска к вашим границам». Перейдя затем к делам Южной Германии (положение которой весьма редко обсуждалось с австрийцами), Александр II высказал идею, показавшуюся гр. Хотеку «несколько парадоксальной»: *даже* в случае победы Пруссии Бавария, Вюртемберг и Баден могут оказаться в лучших условиях, чем ранее. По словам монарха, находясь в согласии, Австрия и Россия вместе смогут высказать мнение, которое услышит и победоносная Пруссия. «Я считаю, — говорил царь, — что Австрии должен быть передан протекторат над Южной Германией, и я уже имею согласие

¹¹⁰ Там же. д. 43, л. 114–120. На докладе кн. Горчакова о беседе с гр. Бисмарком Александр II написал о Франце Иосифе: «У меня уже давно нет к нему никакого доверия!» (Там же). См. также: *Wetzel D.* Op. cit. S. 178–179.

¹¹¹ *Die Rheinpolitik...* Bd. III. S. 471.

¹¹² BHStA, Gesandtschaft Wien, 1712; HStA St, E 40/72, Bū. 453.

¹¹³ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1870 г., д. 44, л. 113, 126; HHStA, PA, X, K. 62, № 35A.

Наполеона на это соединение». Вместе с тем Александр II дал своё слово чести и гарантировал от имени короля Пруссии, что Австрия не подвергнется нападению, «пока вы останетесь нейтральными и не будете делать демонстраций и концентраций»¹¹⁴. В этих высказываниях ощущались всё те же две тенденции русской политики — стремление локализовать войну и одновременно положить предел усилению Пруссии.

В том же направлении действовал и находившийся в Германии кн. Горчаков. Покинув Берлин, он по пути в Вильдбад посетил Штуттгарт и Мюнхен. В столице Вюртемберга у князя оставалось много знакомых ещё с тех пор, когда он служил там посланником. За долгие годы у него сложились доверительные отношения с Фарнбюлером и особенно с королевой Ольгой Николаевной, которые видели в нём последовательного сторонника независимости королевства. И на этот раз российский канцлер выразил надежду на то, что России удастся защитить интересы Южной Германии¹¹⁵.

1 августа кн. Горчаков выехал в Мюнхен, где вечером 2 августа долго беседовал с баварским премьер-министром гр. О. фон Браем и «во всех отношениях дал ему понять свои совершенные симпатии к южногерманским государствам»¹¹⁶. Князь также высказался за скорейшее окончание войны, но признал, что она может продлиться долго, если не будет внешних импульсов, а именно — посредничества России, Австрии и Англии¹¹⁷. По-видимому, он рассчитывал воспользоваться посредничеством гр. Брая для налаживания неформального контакта с Австро-Венгрией. Графы Бойст и Брай были давними друзьями, общались на «ты» и состояли в личной переписке. Вместе с тем гр. Брай принадлежал к династии баварских дипломатов, издавна связанных с Россией: пост посланника в Петербурге занимал в своё время не только он сам, но и его отец, а в 1870 г. там же в баварском посольстве служил его сын.

Кн. Горчаков вспоминал о встрече в Уши, которую он считал отправной точкой улучшения отношений между Россией и Австрией, и предлагал создать «антанту с целью восстановления мира». Но первым условием подобного сотрудничества являлся «принятый обоими правительствами и с необходимостью внутренне связанный нейтралитет». При этом князь уверял, что Александр II твёрдо намерен «преследовать мирные тенденции как на Западе, так и на Востоке (выделено в тексте. — А.М.)». По просьбе кн. Горчакова содержание беседы гр. Брай, увидевший в инициативе канцлера «далёкий проблеск мира», в личном письме изложил гр. Бойсту¹¹⁸.

Однако гр. Бойст с ответом не спешил. В те дни он ожидал быстрого наступления французов, не исключал восстания в Польше, вторжения России в Галицию и последующего объявления войны соседней империи¹¹⁹. Инициативы российского императора, высказанные им в беседе с гр. Хотеком, были отклонены, а на письмо гр. Брая австрийский канцлер ответил более чем через месяц. Тогда он уже соглашался пойти навстречу предложениям кн. Горчакова,

¹¹⁴ ННStA, PA, X, K. 62, № 35B; ВНStA, MA I, № 647; *Duroselle J.-B.* Op. cit. S. 404.

¹¹⁵ ВНStA, MA III, № 646.

¹¹⁶ НStA St, E 50/02, Bü. 454.

¹¹⁷ ВНStA, MA I, № 646

¹¹⁸ Ibid. № 644; АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1870 г., д. 104, л. 80.

¹¹⁹ *Beust F.* Op. cit. S. 393. Об опасениях Александра II и кн. Горчакова на этот счёт см.: *Нарочницкая Л.И.* Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии сверху. М., 1960. С. 170.

но за это время прусские победы полностью изменили и ситуацию в Европе, и позицию России¹²⁰.

14 августа Александр II и кн. Горчаков обсудили положение дел с гр. Хотеком, после чего тот на следующий же день отбыл в Вену для консультаций. Царь советовал Австрии беречь силы и громче требовать восстановления мира и равновесия. Он утверждал, что Россия не согласится с навязанным Франции миром, если он нарушит европейский баланс, и предлагал вынести спорные проблемы на рассмотрение конгресса¹²¹. Кн. Горчаков и вовсе доказывал, что державы могли бы весом своих слов надавить на ту сторону, которая менее расположена к миру. Он даже не желал предоставлять Пруссии инициативу при заключении перемирия, а собирался навязать его ей с помощью общего демарша нейтральных государств. Самым благоприятным моментом не просто для посредничества (*mediation*), а для вмешательства (*interposition*) ему представлялось сражение с нерешённым исходом, которое не задевало бы слишком сильно ни честь, ни жизненные интересы сторон. А затем уже конгресс должен был урегулировать положение Южной Германии, пересмотреть условия Пражского мира и т.д. Характерно, что отторжение Эльзаса и Лотарингии у Франции князь называл совершенно недопустимым. В случае выдающихся успехов Пруссии он допускал лишь создание из этих территорий и Люксембурга независимого государства под покровительством великих держав. Кроме того, кн. Горчаков не скрывал своего неодобрения «дурных средств» гр. Бисмарка, признавал сильную Австрию важным элементом европейского равновесия и выражал готовность вступить за неё в случае угрозы со стороны Пруссии¹²².

Очевидное сходство этих предложений с прежними высказываниями Александра II и его канцлера свидетельствовало о последовательности и серьёзности их намерений, вовсе не сводившихся к тому, чтобы любой ценой удержать Австро-Венгрию в состоянии нейтралитета. Это подтверждала и инструкция новому посланнику в Вене Е.П. Новикову, датированная 1(13) августа: «Если Австрия не двинется или не будет чрезмерно вооружаться, мы поступим так же... Но подобное положение вещей может привести к более значительным результатам: в первую очередь к тому, чтобы развить и упрочить антанту, которая способствовала бы укреплению европейского равновесия»¹²³.

С миссией гр. Хотека в Петербурге связывали большие надежды, однако обстоятельства не позволили им осуществиться. Когда он вернулся из Вены, кн. Горчаков 29 августа констатировал, что вмешательство нейтральных держав уже маловероятно и невыполнимо, поскольку, «к сожалению, (выделено в тексте. — А.М.) изменилось в последние восемь дней положение вещей», и пруссаки уже ничего и ни от кого не будут слушать¹²⁴. Таким образом, главной причиной охлаждения Петербурга к идее коллективного демарша стала беспрерывная череда французских поражений.

Тем не менее даже после катастрофы Франции под Седаном 1–2 сентября в России продолжали надеяться на умеренные условия мира, участие нейтральных посредников в его заключении и обсуждение итогов войны на европей-

¹²⁰ BHStA, MA I. № 644; HHStA, PA, X, K. 63.

¹²¹ HHStA, PA, X, K. 62.

¹²² Ibid. См. также: *Duroselle J.-B.* Op. cit. S. 404–405; *Beyrau D.* Op. cit. S. 210; *Шнейерсон Л.М.* Указ. соч. С. 165–167.

¹²³ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1870 г., д. 148, л. 121–122.

¹²⁴ Там же, д. 43, л. 217; HHStA, PA, X, K. 62.

ском конгрессе. На полях донесения Новикова о предложенном гр. Бойстом посредничестве России, Австрии и Италии, инициатором которого выступил бы Петербург, Александр II написал: «Я считаю, что момент ещё не настал»¹²⁵. Следовательно, он не исключал подобной инициативы в дальнейшем. 12 сентября Горчаков сетовал, обращаясь к императору, на то, что гр. Бисмарк, постоянно напоминая о монархической солидарности, «говорит только об антанте по этому пункту, в то время как хранит полное молчание о нашем участии в обсуждении мира, который существенно изменит политическую ситуацию в Европе»¹²⁶. Даже после знаменитой депеши 19(31) октября об отказе России выполнять решения Парижского трактата, касавшиеся нейтрализации Чёрного моря, баварский поверенный доносил в Мюнхен о намерении кн. Горчакова «связать ревизию договоров 1856 г. с предстоящим заключением мира между Францией и Германией и тем самым сделать большую часть преобразования Европы предметом обсуждения европейским конгрессом»¹²⁷. Однако в конце концов России пришлось просто принять новые политические реалии.

Подводя итог, следует сказать, что вопреки распространённым в литературе утверждениям, российские политические круги следили за объединением Германии под прусским руководством далеко не «благожелательно», напротив, с большой степенью опасения и недовольства. Россия не только не оказывала Пруссии поддержки в этом процессе, но и последовательно, хотя и в меру своих сил, пыталась сдерживать Берлин.

Причины, по которым ей это не удалось, были многообразны. В историографии совершенно справедливо указывается на то, что активность России в Европе заметно сдерживалась масштабной внутренней реорганизацией, происходившей тогда в империи. Однако не менее существенное значение имели и внешнеполитические обстоятельства, жёстко ограничивавшие возможности дипломатов. Анализируя в подробном, звучащем почти как завещание, докладе историю русско-пруссских отношений XIX в., кн. Горчаков в 1880 г. утверждал: «Вековые политические ошибки Франции – вот что создало наш альянс с Пруссией». Именно они привели к объединению германских государств, которое не соответствовало ни традициям, ни интересам России, стремившейся, напротив, всеми силами сохранить конфедеративное устройство Германии «как неопасный (*inoffensive*) элемент, необходимый для равновесия в центре Европы». По словам канцлера, «в конечном счёте, постоянная, при всех правлениях, враждебность к нам Франции должна была побудить нас тщательно изучить ценность этой традиции и спросить себя, действительно ли раздробленность Германии полезна нашим интересам. Она не помешала ни вторжению в Россию в 1812 г., ни коалиции 1853 г., ни дипломатической кампании, вызванной в 1863 г. польским вопросом. Ослабленная своей расчленённостью Германия, не могущая нас прикрыть от агрессии Запада, открывала путь к нам нашим врагам»¹²⁸.

Размышления князя отнюдь не сводились к оправданию *post factum* собственных действий. И именно представление об «агрессии Запада» ставило пределы любой антипрусской политике Петербурга. В 1864 г. Пруссия была

¹²⁵ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1870 г., д. 146, л. 331.

¹²⁶ Там же, д. 43, л. 292.

¹²⁷ ВНStA, MA I, № 635. Разумеется, восстановление суверенных прав Российской империи пересмотру при этом не подлежало.

¹²⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1467, л. 128–129.

для кн. Горчакова «барьером против Франции»¹²⁹, а в 1865 г. Германия закрывала «дорогу к Польше». В 1868 г. канцлер видел «реальные преимущества» в том, что между Россией и Францией возникла сильная и антипольски настроенная держава¹³⁰. В 1870 г. в Петербурге не без оснований опасались последствий австро-французского союза, представлявшего угрозу для западных губерний Российской империи¹³¹. Конечно, отмена унижительных статей Парижского мира оставалась для русской дипломатии вожделенной целью, и считалось, что возможная поддержка Франции значила для её достижения гораздо больше, чем позиция далёкой от Востока Пруссии. Однако с точки зрения элементарных интересов безопасности польский вопрос безусловно превосходил в значимости даже восточный и, соответственно, «естественная дружба» Пруссии оказывалась важнее, чем «мираж» французской помощи на Востоке. Исход австро-прусской войны и обострение франко-прусских противоречий в сочетании с реваншизмом Австрии расставили эти приоритеты ещё более отчётливо. «Мы не можем принять на себя обязательства против нашего соседа и единственного союзника, — писал гр. Стакельберг, — ни для того чтобы ускорить гибель одного трактата..., ни даже за обещание помощи в решении великой восточной проблемы (выделено мной. — А.М.)»¹³². Во всех подобных рассуждениях решающими оказывались именно соображения безопасности собственной страны. Так, оценивая угрозу франко-прусского столкновения, А.Г. Жomini в 1868 г. отмечал: «Несмотря на наше отвращение к неблагоприятной роли спасителя Европы, мы не сможем искать прибежища в нейтралитете. Если мы позволим Франции и Австрии разгромить Пруссию, наши позиции на Востоке и в Польше станут хуже, чем в 1812 г.»¹³³.

Политика России в годы объединения Германии не была историей «благодарности» или «сделок», предоставивших Пруссии свободу рук в обмен на помощь в разрешении конкретных проблем в Польше и на Востоке. При безусловно присутствовавшей недооценке значимости германского вопроса в широкой исторической перспективе нельзя говорить о некоей близорукости русских дипломатов в 1866–1871 гг. В каждой из происходивших тогда войн Россия руководствовалась исключительно собственными интересами, и едва ли её нейтралитет можно было назвать вполне «доброжелательным» в отношении Пруссии: в 1866 г. в Петербурге желали победы Австрии, а в 1870 г. заботились не столько об обеспечении успеха Пруссии, сколько об устранении угрозы, возникавшей в случае её разгрома. В целом, в России ясно понимали всю невыгодность объединения Германии, но в конце концов были вынуждены его принять, причём далеко не только по причине недостатка сил для того, чтобы его предотвратить, но и в качестве своеобразного меньшего зла по сравнению с возможной «агрессией Запада».

¹²⁹ Подробнее см.: *Медяков А. С.* «Русская благодарность»...

¹³⁰ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1362, л. 6.

¹³¹ Об австрийских и французских военных планах подробнее см.: *Медяков А. С.* Между Востоком и Западом...

¹³² АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1867 г., д. 163. т. II, л. 459. Александр II оставил возле этой фразы помету: «Весьма справедливо» (Там же).

¹³³ Там же, 1868 г., д. 151, л. 423.